

Старая госпожа Шэнь кипела от злости. С тех пор как Ли Цзяофэн переступила порог их дома, у неё не было ни одного спокойного дня.

Стоило выгнать Мяо Ши, как Шэнь Чжигао в панике бросился поскорее привести в дом вдову Ли. Но в отличие от Мяо Ши, вдова Ли была не из тех, кем легко командовать. Пусть она выходила замуж не в первый раз, она настаивала на соблюдении всех традиций: требовала пригласить мастера фэншуй, чтобы выбрать благоприятный день для женитьбы, нанять сваху, уплатить выкуп за невесту и устроить свадебный пир — лишь тогда она соглашалась на брак.

По мнению старой госпожи Шэнь, женщина, которая тайком забеременела от мужчины, должна была тихо войти в дом без всякого шума. Уже то, что семья Шэнь готова была её кормить и приютить, являлось великой милостью, а она ещё осмелилась требовать свадебный пир!

Но вдова Ли была настолько дерзкой, что просила всё подряд, а если что-то шло не по её воле, грозилась избавиться от ребёнка. Выкуп за невесту она назначила ужасающий: шесть лянов и шесть цянэй, почти столько же, сколько стоила бы женитьба на юной, нетронутой девушке из деревни!

Старая госпожа Шэнь поначалу решительно отказалась. Но Мяо Ши уже не было в семье, а Шэнь Чжигао полностью оказался в руках вдовы Ли — он рыдал и угрожал покончить с собой, если его не женят. Что ей оставалось делать? Не могла же она допустить, чтобы сын на всю жизнь остался холостяком. Стиснув зубы и проглотив обиду, она согласилась да ещё и сумела выторговать выкуп до пяти лянов. Свахой позвали младшую сестру старой госпожи Шэнь, а свадьбу сыграли простую — всего три стола во дворе.

Компенсация, выплаченная Мяо Ши, и без того больно ударила по старой госпоже Шэнь. Братья Мяо утащили с собой только что собранный арахис и весь запас зерна, а с приближением осенней страды семье ничего не оставалось, кроме как занимать еду у родни. Без пищи тяжёлый труд был невозможен.

После ухода Шэнь Цина, самого крепкого работника в семье, даже старик Шэнь, давно не выходивший в поле, и фулан Шэнь Чживэя были вынуждены взяться за работу. Но они так и не успели убрать урожай до осенних дождей и потеряли почти пятую его часть.

Вернув взятое в долг зерно, семья осталась лишь с теми запасами, что предназначались на следующий год. А теперь, с этими дополнительными свадебными расходами, семья Шэнь оказалась в по-настоящему тяжёлом положении.

Но и на этом всё не закончилось. С тех пор как Мяо Ши и Шэнь Цин ушли, работы по дому вдруг стало непомерно много! Никто больше не готовил, не стирал, не кормил кур и не чистил свинарник. За годы праздности и старая госпожа Шэнь, и фулан Шэнь Чживэя так привыкли к безделью, что, вновь взявшись за хозяйство, ощущали ломоту во всём теле.

А после того как Ли Цзяофэн пришла в дом, она не только не помогала по хозяйству, но и целыми днями обнимала свой беременный живот, жалуясь то на одну боль, то на другую и требуя, чтобы за ней ухаживали!

Старая госпожа Шэнь была уверена, что Ли Цзяофэн делает это нарочно, специально мучает её и утверждает своё главенство в доме. Иначе зачем она отказывалась от того, чтобы за ней присматривал фулан Шэнь Чживэя, Чжао Ши, заявляя, что геру это делать нельзя? А когда

посылали маленькую дочь Шэнь Чживэя, она говорила, что дети слишком неуклюжи и им нельзя доверять.

Она настаивала на том, чтобы ей служила только сама старая госпожа Шэнь!

И сейчас из двора доносились бесконечные крики Ли Цзяофэн, от которых у старой госпожи Шэнь начинала раскалываться голова.

С каменным лицом старая госпожа Шэнь подошла к двери восточного крыла и резко сказала: «Хватит уже, невестка! Можешь ты хоть немного помолчать? Дел по горло, у меня нет времени целыми днями тебя обслуживать!»

Любую другую женщину такой окрик свекрови заставил бы мгновенно притихнуть. Но если бы Ли Цзяофэн была из тех, кто знает страх, она бы и не вошла в дом Шэнь. Она лишь погладила округлившийся живот и улыбнулась.

«Мама, это не я тебя тревожу, это твой внук внутри меня буянит! Я слышала, как на улице кричали про продажу мяса. В деревню что, мясник приехал?»

Иногда, если к вечеру в уездных мясных лавках оставалось непроданное мясо, его либо везли в близлежащие деревни и продавали подешевле, либо сбывали перекупщикам, которые зарабатывали на перепродаже. Но такое случалось нечасто, а деревня Ланьтан находилась слишком близко к уезду, так что подобные возможности выпадали редко.

Ли Цзяофэн облизнула губы: «Надо купить. Мы так давно не ели мяса. Твоему внуку нужно хорошее питание, чтобы вырасти крепким и здоровым».

У старой госпожи Шэнь дёрнулась вена на лбу.

«Мясо, мясо, мясо — ты что, от жадности ещё не сдохла? Что за прожорливая невестка! Прошёл всего месяц, как ты пришла в дом, а ты уже три раза ела мясо! Яйца тебе дают каждый день! Чего тебе ещё надо? У кого из беременных питание лучше, чем у тебя? Ты что, думаешь, кроме тебя в мире никто детей не носил?»

Ли Цзяофэн, всё так же улыбаясь, погладила свой живот и сказала: «Это не я хочу есть мясо — это ребёнок его требует! До замужества у меня были свои деньги, я могла позволить себе есть мясо регулярно. А после того как я переехала сюда, мне ни разу его не дали. Вот малыш и капризничает».

Она не врала. Первый муж оставил ей кое-какие деньги, да и Шэнь Чжигао частенько тайком подсовывал подарки, так что жила она вполне сытно и спокойно. Её жизнь раньше была куда легче, чем теперь — под бдительным надзором старой госпожи Шэнь.

Чем больше она об этом думала, тем сильнее злилась. Когда Шэнь Чжигао за ней ухаживал, он был таким щедрым, а стоило только пожениться, как нормальной еды она уже не видела!

Старая госпожа Шэнь разъярилась ещё больше: «Если бы ты не потребовала такой огромный выкуп за невесту, у нас, может, и нашлись бы лишние деньги на мясо! У тебя ведь есть свои деньги? Хочешь — иди и покупай сама!» Потом она насмешливо фыркнула: «Да только это не мясник. Гер Цин убил дикого кабана. Даже будь у тебя деньги, гер Цин мясо тебе не продаст!»

Глаза Ли Цзяофэн распахнулись: «Кто?»

Она слышала, что Шэнь Цин силён — Шэнь Чжигао не раз жаловался, что он слишком уж самостоятельный для гера. Но она и представить не могла, что он настолько способный. В её взгляде мелькнуло уважение, но тут же сменилось расчётом.

Она быстро улыбнулась: «Мама, ты рассуждаешь глупо. Гер Цин — член нашей семьи, даже если он ушёл вместе с матерью. Ты по-прежнему его бабушка, а мой ребёнок — его младший брат. Почему мы должны платить за мясо? Разве он не должен сам принести его из почтения к старшим?»

Старая госпожа Шэнь хмыкнула и ничего не ответила, но в глубине души эта мысль её зацепила.

В это время Шэнь Цин и понятия не имел, что семья Шэнь уже положила глаз на его дикого кабана. До прихода покупателей он взял тесак и отрубил переднюю и заднюю ногу.

«Я сама сделаю! Тебе нельзя так много двигаться, рана снова откроется», — поспешно остановила его Мяо Ши.

«Всё в порядке, мама. У меня повреждена левая рука, а не правая. Тебе будет трудно отрубить ноги, так что я сам сделаю это, а остальное оставлю тебе».

Несколькими быстрыми ударами он аккуратно отделил обе ноги и сказал: «Завтра я отнесу большую заднюю ногу дяде, а переднюю — старосте деревни».

<http://bllate.org/book/14994/1342916>